

Словарь грамматики, также как и список более чем двухсот пословиц на все случаи жизни, был ценным материалом для изучающего тюркский язык и открывал широкие перспективы для использования его самыми разными людьми: от властного правителя до торговца и простого воина, Он полезен и лингвистам, и людям, самостоятельно желающим выучить тюркский язык, и для тех, кто занимается поэзией, миссионерской деятельностью, обучением иноязычном языкам, так как помогает освоиться в окружении благодаря содержанию фраз, необходимых для повседневного общения. Многое из материалов словаря будет интересно и для современного читателя и может быть использовано в преподавании латинского и татарского языков.

## ЛЕКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРЕКО-ИРАНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В VI-IV ВВ. ДО Н.Э.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань  
Э.В. Рунг

Более чем двухвековое сосуществование греческого мира и Персидской империи (550–330 гг. до н.э.) выражалось не только в продолжительных военных конфликтах (самый значимый – Греко-персидские войны) и интенсивных дипломатических контактах, но и в лингвистических взаимодействиях греков и народов, населявших территорию Персидской державы, и, прежде всего, иранцев – господствующего этноса в государстве Ахеменидов. Однако характер источников позволяет определить только основные черты интерпретации перевода греками элементов древнеперсидской лексики. Что касается собственно иранцев, то, за некоторым редким исключением, практически невозможно определить характер восприятия персами древнегреческих слов.

В докладе будут рассмотрены различные аспекты интерпретации перевода греками иранских слов из области социально-политических отношений. Причем, конечно, в рамках данной работы практически невозможно охватить все такого рода слова, так сказать, их каталогизировать, поэтому ограничимся наиболее показательными примерами. И в этой связи следует выделить основные направления восприятия греками иранских слов без их перевода на греческий, во-вторых, перевод такого рода определений на греческий язык с древнеперсидского, нередко также с соответствующими комментариями, и, в-третьих, попытка использования иранских слов для имитации древнеперсидской речи.

Обратимся прежде всего к некоторым примерам, которые присутствуют в труде «отца истории» Геродота. Мы можем предполагать, например, что именно этот греческий историк одним из первых познакомил своих читателей со словом «сатрапия» (*σατραπία*) «... Дарий разделил персидскую державу на двадцать округов (*άρχαι*), которые персы называют сатрапиями» (Hdt. III. 89). Однако примечательно, что Геродот никогда не употребляет слова «сатрап», а в его значении использует *ἄλφρος* – «наместник» (III. 20, 126; IV. 166; V. 25, 73, 123; VI. 1, 30, 33, 42; IX. 113) (другие греческие авторы, в частности, Кtesий Книдский и Ксенофонт позднее уже непосредственно оперируют этим персидским термином как общепотребительным для обозначения наместников царя).

Понятно, что «отец истории» при объяснении слова «сатрапия» стремился передать термин, который он узнал от самих персов, однако не дает ему перевода, а только соотносит его с соответствующим греческим определением (*άρχη*). И только из сохранившихся древнеперсидских царских надписей известно, что слово «сатрап» (*χάστραπα*) переводится как «хранитель царства», используется только дважды применительно к персидским наместникам – Даддаршишу, сатрапу Бактрии (DB. III. 13–14) и Виване, сатрапу Арахозии

(DB. III. 55–56). Слово же «сатрапия» вообще не известно по древнеперсидским текстам (встречающееся часто в надписях слово *dahyāva* – «страна»/«народ» определенно не является эквивалентом слова «сатрапия»), хотя, конечно, на этом основании нельзя делать далёко идущие скоропалильные выводы.

В других пассажах своего труда Геродот (III. 139–140; VIII. 85) несколько раз ссылается на титул благодетеля (*εὐεργέτης*) царя, который получали за заслуги различные греки [Wiesehöfer 1980: 8–11]. Историк обращает внимание на то, что по-персидски царских благодетелей называли оросангами – οἱ δ' εὐεργέται βασιλέος ὁροσάγγαι καλέονται Περσιστί (Hdt. VIII. 85). Как обычно считают, термин «оросанг» происходит от древнеперсидского *varusanka* – «широко прославленный» [Дандамаев 1980: 148]. Более или менее точный статус оросангов может прояснить фрагмент анонимного ритора, который ссылался на Нимфида Гераклейского: «Нимфид Гераклейский во второй книге «О Гераклее» называет оросангами тех, кто имеет привилегию проэдрии, которые на [нашем] языке называются ксенами царя» (Nymphis ap. Lex. Rhet., p.83). Свидетельство Нимфида проясняет связь титула эвергета с проэдрией – почетным правом первого места на различных торжественных мероприятиях, о чем говорит в отношении фиванцев Диодор (XVII, 14, 2): «Только фиванцев, единственных из греков, персидские цари почили титулом благодетелей, и их послам приказано было ставить кресла впереди царских».

Другой пример употребления древнеперсидского термина дает нам Ксенофонт, еще один греческий автор, хорошо знакомый с персидскими реалиями. Он приводит слово «каран» (*κάρανος*) в своей «Греческой истории» (I. 4, 3) при цитировании письма персидского царя Дария II, в котором тот обращался к своим подданным в Малой Азии, представляя нового сатрапа и командующего – своего сына Кира Младшего: «Посылаю Кира караном собирающихся на Кастоле. Каран же означает глава» (Каталéπω *Κύρον κάρανον τῶνεις*

*Καστολὸν ἀθροίζομένων. τόδε κάρανον ἔστι κύριον*). Итак, Ксенофонт поясняет термин «каран» как κύριον – «глава» (слово довольно многозначное и не вполне определенное), а в двух других сообщениях (на этот раз в «Анабасисе»: I. 1. 1; 9. 7) находит этому персидскому термину эквивалент в виде слова «военачальник» – στρατηγός.

П. Шантрен и Х. Фрик в своих этимологических словарях древнегреческого языка выводили слово κάρανος от κάρα – «глава», которое присутствовало в дорийском диалекте [Chantraine 1968: 496; Frisk 1960: 788]. Однако Т. Пети это мнение справедливо подверг критике. Он считал, во-первых, что было бы странным, если бы Ксенофонт сделал перевод для своих читателей слова, заимствованного им из греческого языка, а, во-вторых, что присутствие греческого термина было бы неуместным в письме, которое было адресовано Великим царем своим чиновникам (Petit 1983: 35–36). Эти два обстоятельства, по мнению исследователя, позволяют думать, что слово «каран» было персидского происхождения. В настоящее время является почти общепризнанным в историографии, что слово κάρανος происходило от древнеперсидского слова *kāra*, которое имело значение «народ»/«войско» ([Widengren 1969: 106]; см. [Бенвенист 1995: 89–91]).

К. Геблер и Д. Третен, обращаясь к семантике этого слова, полагают, что каран – это просто командир *кары*; слово же *kārana* образовано от *kāra* путем присоединения суффикса – *na* / *no* по правилам индоевропейского словаобразования для обозначения лица во главе того или иного социального института (исследователи приводят некоторые аналогии, среди которых называют, например, латинские *tribunus* от *tribus*; *dominus* от *domus*) [Haebler 1982: 85; Treten 1991: 174]. Н. Секунда же замечает, что в древнеперсидском, как и в санскрите, глагол *na-* переводится как «вести», и, таким образом, по мнению исследователя (этот вариант также нельзя исключать), слово «каран» должно происходить от *kāra-na-na* – «предводитель войска» [Sekunda 1988: 74]. Дополнительным аргументом в пользу последней точки зрения является и то,

что подобным образом ведь и греческое слово *στρατηγός* является композитом, поскольку образовано от сочетания существительного *στράτος* и глагола *ἄγω*; последнее как раз и могло побудить Ксенофона переводить *κάρανος* в ряде мест именно как *στρατηγός*.

В некоторых случаях античные авторы переводят древнеперсидские термины и определения на греческий, но наделяют их собственными смыслами. Так, например, в труде Геродота (VII. 8; VII. 135; VIII. 68, 102) подданные персидского царя, независимо от их этнической принадлежности и социального статуса, называются рабами, а сами отношения их с царем Персии уподобляются отношениям раба и господина. Наиболее выразительно Геродот (VII. 135) проявляет свое отношение к социальной иерархии внутри Ахеменидской державы словами спартанских послов Сперфия и Булиса, обращенных к сатрапу Гидарну: «Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода, — сладка ли она или нет, ты ничего не знаешь (*τὸμὲν γὰρ δοῦλος εἶναι, ἐξεπίστεαι, ἐλευθερίδεούκω ἐπειρῆθες, οὕτ' εἴστι γλυκύοῦτ' εἰμή*)». Далее, согласно Геродоту (VIII.68), тебя, самого лучшего из всех мужей, плохие рабы» (гойδέοντι φρόστφανδρῶν πάντων κακοῖδοῦλοιεισί); снова здесь проявляется противопоставление царя и его подданных как господина и рабов.

В современной исследовательской литературе предлагаются два основных объяснения происхождения и значения поляризации варвары/персы — рабы и эллины — свободные. Так, согласно одной точки зрения, указанная оппозиция просто отражает веру греков в свое превосходство над варварами [Лурье 1947: 46–47; Mitchell 2007: 22–24]. Однако в настоящее время в работах ряда исследователей возобладала другая точка зрения, согласно которой возникновение представлений греков о персах как рабах было результатом проникновения в греческий язык персидской социальной терминологии. Эту тему специально исследовала в

своей работе А. Миссиу [Mission 1991: 177–191], которая связала появление греческого выражения *δοῦλος* в древнеперсидским определением *tāta bandaka*, переведенным в соответствующей литературе как «мой раб», «мой подданный», «мой раб» (DB, II, 19–20, 29–30, 49–50, № 2, III, 11, 31, 56, 84–85).

А. Миссиу заключает, что фраза *δοῦλος ταῦτα βασιλέως* некалькой терминов, известных нам из Бехистунской надписи и не столько выражением, предназначенным отразить греческий предсудительный образ варваров-персов. Определенно эта точка зрения поддерживается также знаменитым письмом Дария I своему наместнику Гадату на греческом, сохранившемся в копии римского времени (П. в. н.э.) (ML, 12). В начальных строках письма персидский монарх обращается к Гадату как своему *δοῦλος*. Подобным образом можно объяснить проникновение в греческий язык других персидских терминов — «царь царей», «великий царь», «хилиарх», «дом царя», атрибутики царской титулature.

Однако, постепенно греки начинают уподоблять персов рабам в своем собственном понимании, противопоставляя их свободным грекам. Собственно говоря, такое восприятие персов мы уже обнаруживаем у Геродота, который иногда определенно использует термин *δοῦλος* не как *terminus technicus*, а в социальном аспекте, с той целью, чтобы провести дифференциацию между качествами персов-рабов и греков-свободных (как мы видели на вышеупомянутых примерах). Классическим примером отождествления Геродотом «рабов царя» и рабов в собственном смысле этого слова является его замечание, что «скифы считают ионийцев, как свободных наихудшими из людей и лишенными мужества, а как рабов — рабами, любящими своего господина» (*ὡς δοῦλον Ίωνον ... ἀνδράποδα φιλοδέσποτα*) (Hdt. IV. 142). Здесь особенно примечательно соотношение терминов *δοῦλοι* и *ἀνδράποδα*. Представление варваров как «рабов» найдет свое восприятие в драмах Еврипида, где варвары уже характеризуются исключительно с негативных позиций, а

противопоставления варваров и эллинов выражается в утверждении идеи превосходства греков над варварами, и, даже первые в призывае повелевать над ним. В одной из своих трагедий Еврипид вкладывает в уста Елены следующее восклицание, относящееся к варварам — троянцам, но представляющее собой аллюзию на положение дел в Персидской державе: «Все варвары — рабы, кроме одного» (*τὰ βαρβάρων γάρδοιλα πάντα πλήνενός*) (*Eur. Helen.* 276). В «Ифигении в Ахилле» драматург выражает идею, что варварами властвовать эллинам над варварами, а не свободные» (*βαρβάροι δ' Ἐλλῆνας ἄρχεινεικός, ὅλλ' οὐ βαρβάρους μήτε*, *'Ελλήνων τὸ μὲν γάρδοιλον, οἱ δ' ἐλεύθεροι*) (*Iphig. Aul.* 1400—1401), ту самую идею, которая найдет прямое отражение, в идеологии панэллинизма, и, особенно, в «Политике» Аристотеля. Стагирит (*Pol. I. 1. 5*) цитирует указанную сентенцию Еврипида и далее замечает: «Так как по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, и азиатские варвары преъвсходят в этом отношении варваров, живущих в Европе, то они и подчиняются despотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия...» (*III. 9. 3*). Отсюда следует вывод, который оказал огромное влияние на восприятие варваров впоследствии, и продолжает быть определяющим при изучении в современной исследовательской литературе как греческой теории рабства, так и образа варвара в общественном сознании греков — «раб и варвар по своей природе понятия тождественные» (*ταύτοφύσει βάρβαρον καὶ δοῦλονδ*) (*Arist. Pol. I. 1. 5*).

И, наконец, еще на один аспект греко-иранской коммуникации хотелось бы обратить внимание. Это подражание персидской речи, которое находит отражение в «Ахарнянах» Аристофана. В своей комедии автор выводит на сцену персидского посланника в Афины — Псевдо-Артаба, который говорит по-персидски, обращаясь к афинянам: *ιαρταμανεξαρξασαιπονασатра*. На первый взгляд для греков

эта сентенция звучит как малопонятный набор звуков. Одно мало кто из специалистов сомневается, что Аристофан звукоподражание воспроизводит подлинную древнеперсидскую фразу, вполне по смыслу, но вот что это за смысл — на это счет мнений различны (среди ученых есть, конечно, и скептики). Т. Лонг например, принимает то мнение, что речь Псевдо-Артаба содержит действительные персидские слова или намеки на них, но они не образуют грамматического предложения [*Lond 1986: 134*], Дж. Авелайн стремится увидеть в словах Псевдо-Артаба искаженные греческие слова [*Aveline 2000: 500—501*]. Однако эти мнения — все же исключения из общей тенденции. Итак, основные варианты реконструкции и перевода в исследовательской литературе персидской речи у Аристофана выглядят следующим образом (с учетом различных написаний строфы в манускриптах комедии «Ахарняне»):

- 1) *Ιαρτα νανα Ξαρξας πισσα σατρα — Iarta nānā Xšayāršahyā piṣṣa satra — qātiy Artašāsa* [Dover 1963: 6—25];
- 2) *ι αρτα νανε Ξαρξавα πισσονα σατρα — qātiy Artašāsa dāhiyānāt Xšayāršahyā* (говорит Артаксеркс [царь] стран сын Ксеркса Писсуфнусатрапу) [*West 1968: 5—7*];
- 3) *ια ρταμανε Ξαρξα ναπιασσ (ι)ονα σατρα — naṇa (a)rtamanāHšayāršānapaišuṇyaipat hšaṣam* (благочестивый Ксеркс приветствует ионийское царство за морем) [*Francis 1992: 337—339; Miller 1997: 131*];
- 4) *ιαρταμανεξαρξασαιπονασσατρα* (без разделения на слова) — *h̄artaman' Hšāršāniyāpīθoνaθaθra* (благочестивый Ксеркс написал следующее) [*Willi 2004: 673*].

На мой взгляд, указанная сентенция у Аристофана (и в этом прав Т. Ланг) представляет собой действительно набор знакомых комедиографу (и я думаю, отчасти и грекам) персидских слов, которые, однако, не образуют предложения, но создают имитацию речи на древнеперсидском. Среди таковых, очевидно, можно выделить следующие слова (и в этом соглашаются многие исследователи): *αρτα = arta* (закон, справедливость), *Ξαρξα = Xšayāršahyā* (Ксеркс), *ιανα = Yānā*

(*Ноны/нонны* – персидское обозначение греков) и *батра* – *βατρά* (царство).

Итак, рассмотренный материал представляет основные варианты восприятия греками элементов персидской лексики и показывает, что такие восприятия сводились не только к переводу, но и к интерпретации, а также даже использовались для попытки воспроизведения персидской речи (у Аристофана), рассчитанной на греческую аудиторию.

### Литература

- Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. – М.: Прогресс, 1995. – 456 с.
- Дандамаев 1980 – Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. – М.: Наука, 1980.
- Лурье 1947–Лурье С.Я. Геродот. – М.; Л., 1947.
- Aveline 2000 – Aveline J. Aristophanes' *Acharnians* 95-97 and 100: Persians in the Athenian Assembly // *Hermes*. – 2000. – Vol. 128. – № 4. – P. 500-501.
- Charntraine 1968 – Charntraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots. – Paris, 1968.
- Dover 1963 – Dover K.J. Notes on Aristophanes' *Acharnians* // *Maia*. – 1963. Vol. 15. – P. 6-25.
- Francis 1992 – Francis E.D. *Oedipus Achaemenides* // American Journal of Philology – 1992. – Vol. 113. – № 3. – P. 332-357.
- Frisk 1960 – Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. – Bd 1. – Heidelberg, 1960.
- Frisk 1982 – Frisk C. *Κάραβος*. Eine sprachwissenschaftliche Betrachtung zu Xen. Hell. I, 4, 3 // *Serta Indogermanica. Festschrift für Günter Neumann zum 60. Geburtstag / J. Tischer (hrsg.)*. – Innsbruck, 1982.
- Petit 1983 – Petit T. Étude d'une fonction militaire sous la dynastie perse achéménide (*Κάραβος*: Xenophon, Helléniques, I, 4, 3) // *Les Études classiques*. – 1983. – T. 51. – P. 35-45.

- Treten 1991 – Treten D. *Κάραβος = κύριον* // *Glottis*. Vol. 69. – P. 173-174.
- Sekunda 1988 – Sekunda N. Achaemenid Terminology // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*. Bd. 21. – P. 69-77.
- Widengren 1969 – Widengren G. Der Feudalismus im Iran. – Koeln-Opladen, 1969.
- Wiese Höfer 1980 – Wiese Höfer J. Die "Freunde" und "Wohltäter" des Grosskönigs // *Studia Iranica*. – 1980. – Vol. 9. – P. 7-21.
- Long 1986 – Long T. Barbarians in Greek Come Carbondale, Illinois, 1986.
- Miller 1997 – Miller M.C. Athens and Persia in the Century BC: A Study in the Cultural Reciprocity. – Cambridge, 1997.
- Missiou 1993 – Missiou A. ΔΟΥΛΟΣΤΟΥΒΑΣΙΛΕΩΣ: politics of translation // *Classical Quarterly*. – 1993. – Vol. 43, 3. – P. 377-391.
- Mitchell 2007 – Mitchell L.G. Panhellenism and the Barbaria in Archaic and Classical Greece. – Swansea, 2007.
- West 1968 – West M.L. Two Passages of Aristophanes // Classical Review. – 1968. – Vol. 18. – N 1. – P. 5-7.
- Willi 2004 – Willi A. Old Persian in Athens Revised (Ar. Aeh. 100) // *Mnemosyne*. – 2004. – Vol. 57. – Fasc. 6. – P. 657-681.